

МОРАЛЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИИ ИЛИ НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ?

А. С. Лаптенко

Из всего многообразия концептуальных моделей информационного общества в данной работе важно выделить, по крайней мере, два аспекта: во-первых, характеризующий функционирование культуры на названном этапе развития общества и, во-вторых, появление нового типа отношений в системе «индивид-социум». Первый из них определяется мозаичностью культуры, возрастающей ролью виртуализации, медийной насыщенностью, изменением паттернов поведения, потерей четкой иерархии ценностей, что фактически приводит к исчезновению понятия нормы. Второй – характеризует кризис патерналистского общества, возрастание социальной мобильности, изменение приоритетов развития общества, признание прав человека.

Исходя из предложенной нами неоклассической модели развития нравственной культуры в обществе сегодня образуется синтез классического морального наследия с демократическими ценностями. В современных социокультурных условиях, с одной стороны, традиционные ценности приобретают новый смысл, а с другой – меняются механизмы регуляции поведения и моральный статус индивида в обществе. Это не реставрация прежней нравственной культуры, а принципиально новое ее состояние, сопряженное с признанием моральной автономии личности, осуществлением прав человека.

Регулятивная функция морали и в условиях современного общества предстает в качестве одной из ведущих. Тем не менее, есть основания утверждать, что сегодня происходит процесс переосмысления роли морали в жизни общества и индивида. Ее назначение все более связывается не с необходимостью приведения поведения человека в соответствие каким-либо нормам, а с потребностью в уважении и призна-

нии самооценности и достоинства каждой личности. Нельзя сказать, что «мораль кодекса» исчерпала свои возможности, но на первый план выдвигается «мораль ценностей». Речь не идет о снижении значимости выполнения моралью регулятивной функции, а о том, что акцентация только этой ее роли не позволит вычленивать те свойства морали, которые делают ее незаменимой в жизни социума и индивида. Более того, есть все основания утверждать, что функцию регуляции поведения человека более эффективно выполняют другие социальные механизмы – прежде всего, правовые. Неслучайно также то, что именно в условиях трансформирующего общества возрастает роль религиозного фактора.

Мораль (мы рассматриваем нравственность как синоним морали) представляет собой ценностную форму культуры, направленную на утверждение самооценности личности, особый способ духовно-практического освоения мира, в результате которого вырабатываются всеобщие требования. В морали отражаются требования, отвечающие глубинным потребностям человека – в человеколюбии, в доброжелательных отношениях, дружбе, любви. Мораль – не столько нормы, которые всегда конкретно-историчны и создают иллюзию релятивности нравственных императивов, сколько выражение потребности человечества в человеческих отношениях, требование оставаться человеком в любой ситуации. В предельной форме такая значимость морали проявляется, когда человек оказывается в экстремальной или пограничной ситуации. Уникальность морали – в ее объединяющем характере, проявляющемся в возможности солидарной, совместной деятельности людей при взаимном уважении моральной автономии личности, которая совершает свободный выбор жить по законам общественной жизни.

Развитие современных информационных технологий порождает ряд серьезных моральных проблем, требующих своего обсуждения в рамках гуманитарного знания. Именно в данный момент обострилось явное противоречие в нравственной жизни общества. С одной стороны, нравственная жизнь человека включает в себя необходимость решения и реализации «вечных» проблем, в попытке ответа на кото-

рые формируется собственно человеческий способ бытия. Вся жизнь индивида есть попытка ответа на экзистенциальные вопросы, и в этом смысле в каждое историческое время человек остается неизменным в своей сущности, так как сущностной традицией предстает потребность быть человеком. В этом заключается смысл и назначение морали: выкристаллизовывать из совокупности жизненных интенций человека потребность в человечности. Быть моральным далеко не всегда означает играть по правилам. Жить по совести предполагает опору не только на социальные нормы, которые чаще всего отражают конкретно-исторические и идеологические интересы определенных групп, но, прежде всего, на моральные абсолюты. В меньшей степени эта потребность обоснована рационально, чаще же она связана с особыми моральными интуициями.

С другой стороны, цивилизационная оболочка жизни с неизбежностью затрагивает личностные основы бытия и порождает специфические технологии воздействия на сознание и поведение индивида, противоречащие основаниям его моральной автономии. Наряду с этим, возникают явления, вызывающие такие моральные проблемы, которые раньше просто не могли появиться. Прежде всего, это связано с появлением и развитием новых видов коммуникации. Поэтому обозначенное противоречие обретает следующий вид: с неизбежностью перед современным человеком стоит «вечная» проблема остаться человеком, что возможно с опорой на моральный абсолюты, но одновременно происходит разрушение этой традиции, что подрывает возможности ее функционирования и, соответственно, основы человечности личностного бытия.

Парадокс заключается и в том, что в современный период развития общества с наибольшей полнотой воплощается возможность морального выбора, без чего проблематично само становление автономного морального субъекта. Однако мозаичность культуры порождает несколько взаимосвязанных тенденций, которые в принципе превращают мораль в игру.

Первая из них отражает появление множественности паттернов поведения, на которые ориентируется индивид.

В условиях традиционности четко определяются жизненные идеалы и вытекающие из них образцы поведения, которые базируются на безусловном авторитете жизни святых, героев или близких людей, прежде всего родителей. В современной же культуре подрастающая личность свободна от предлагаемых идеалов и образец для себя может найти в совершенно различных источниках: от авторитетов ближайшего окружения (в которые родители далеко не всегда попадают, а главенствуют примеры не всегда позитивной направленности) до паттернов поведения, извлекаемых из многочисленных каналов массовой информации, телевидения и, особенно, Интернета. Не стоит здесь раскрывать многовекторность предлагаемых ими образцов.

С одной стороны, возможность морального выбора всегда есть благо. Но, с другой стороны, проблема заключается, что для подрастающего поколения необходимы идеалы, в соответствии с которыми выстраиваются определенные жизненные стратегии. В случае несформированности или отсутствия четких жизненных приоритетов молодого человека у него не всегда формируется потребность в выработке долгосрочных планов, когда господствует «прагматика одного дня»: живи сегодняшним днем, получай максимальное удовольствие при минимальных усилиях. Соответственно, отпадает потребность и в налаживании долговременных отношений с другими, что может привести к возникновению отчуждения между близкими людьми: дружба на время совместного времяпрепровождения, любовь, которая часто сводится к сексу, семья до первых жизненных трудностей и т. п. В нравственном сознании молодого человека часто соседствуют взаимоисключающие друг друга представления о жизненных ценностях. Данные последних социологических исследований [1] показывают, что на вопросы о приоритетах молодыми респондентами даются социально ожидаемые ответы: на вершине иерархии – семья, здоровье, друзья, хорошая работа и т. п. Действительно, кто же от этих старых добрых ценностей откажется. Но когда от абстрактных представлений переходим к конкретным предпочтениям, то оказывается, что даже здоровье – не такая уж абсолютная ценность, по-

тому что получить сиюминутное удовольствие, даже идущее ему во вред – это важнее, нежели далекая перспектива из-за этого получить какую-либо проблему или даже болезнь. Все прекрасно осознают вред от употребления алкоголя, наркотиков, иных психоактивных веществ, но наслаждение здесь и сейчас предпочтительнее. Хорошая работа также вызывает амбивалентное отношение: признается ее значимость и необходимость, но понимание того, что благосостояние появляется в результате каждодневного труда, уступает место мечтам о «красивой жизни», которая будет обеспечена удачей, выгодным бизнесом, получаемой сразу высокооплачиваемой должностью и т. п.

Вторая тенденция характеризуется отсутствием в современной культуре четкой иерархии моральных ценностей. Множественность паттернов, собственно говоря, если не исключает, то делает проблематичной выстраивание ценностной иерархии. В условиях традиционной культуры или монистической идеологии система морали основывается на базовых ценностях, дающих возможность четкого противопоставления добра и зла, прогрессивного и реакционного, возвышенного и низменного. Эта мораль телеологична: все, что способствует достижению декларируемых целей, нравственно, что противоречит – безнравственно. В условиях плюральной культуры, на основе толерантности и признания «священного» права выбора, получает моральное оправдание или, по крайней мере, не вызывает осуждения то, что условно отвергалось ранее. Примеров этому можно привести множество, ограничимся сферой половой морали: добрые сексуальные отношения, «ценности» однополой любви и т. п. Соответственно, есть основания для утверждения того факта, что приоритетными признаются даже не ценности той или иной социальной группы, а те, которые основываются только на личном выборе.

Третья тенденция характеризует нивелирование, а иногда и исчезновение понятия моральной нормы. Если снова проводить аналогию с традиционной моралью, то в ней можно зафиксировать наличие основополагающего кодекса, на основе которого формируются остальные – корпоративные,

профессиональные и т. п. Десять заповедей, моральный кодекс строителя коммунизма и ряд иных, сравнимых с ними по своей значимости, четко фиксировали границы дозволенного и недозволенного. Отсюда основная добродетель человека заключалась в способности воспринимать эти нормы и в максимальной степени воплощать их в своей поведенческой практике. Значимый аспект существования такого рода кодексов заключается в их миссионерской направленности. Естественно, свой кодекс признается единственно возможным, правильным, другие – не соответствуют истинному знанию и должны быть опровергнуты. Соответственно, тот, кто еще не постиг этого истинного знания, нуждается в приобщении к нему, как правило, «крестом и мечом».

Состояние ценностной и мировоззренческой неопределенности приводит к напряженности в функционировании нравственной культуры. Во многом такая ситуация обусловливается отсутствием четко выраженных приоритетов не только в рамках обыденного сознания, но и в системе государственно-идеологических координат. С одной стороны, это стимулирует выработку собственной моральной позиции личности, способной на соответствующие духовные усилия; с другой – состояние неопределенности порождает отсутствие всякой моральной позиции у многих людей, что чревато непредсказуемыми последствиями в отношении как личностного развития, так и социального результата. Ситуация мировоззренческого вакуума приводит к возможности его заполнения самыми разнообразными ценностными ориентирами, далеко не всегда отличающимися позитивной направленностью. Прежде всего, это касается молодежи, которая, не имея еще четких устоявшихся нравственных убеждений, часто способна воспринимать в качестве современных новаций не самые лучшие образцы поведения.

Отсюда и формируется противоречие между содержанием «официальной» морали и частной жизни. Следствия этого разрыва могут быть разными: это и конформизм, и нарастание пессимизма, моральной индифферентности. Нередко можно наблюдать и проявления различных форм эскапизма, ухода индивида в частную жизнь. Большие возможности

для разрыва с миром повседневности предоставляет сегодня виртуальный мир, в котором многие видят новую реальность, в которой возможно прожить целую жизнь. Спрятавшись за «ником», в этой жизни можно быть тем, кем не решаешься быть в реальности. Складывается новая форма взаимоотношений между людьми. Некоторые явления действительно уникальны для современной культуры. Интернет становится неким организующим началом, что можно использовать при реализации как позитивных, так и негативных целей.

В условиях мощного развития различного рода технологий, можно поставить вопрос о существовании автономной морали. С одной стороны, происходит улучшение качества жизни, возрастает уровень комфортности. Но, с другой – возрастают возможности контроля над личностью, как в поведенческом аспекте, так и в плане манипуляции сознанием.

Отказ постнеклассической этики от традиционных базовых характеристик бытия морали в культуре приводит в конечном итоге к упразднению самой морали. Однако многие реалии жизни характеризуют опасность такого рода релятивизации моральных ценностей. Так называемый «феномен 11 сентября», события в 2006 году в Беслане, опасность террористических актов, осуществляемых практически в любое время и в любом месте, порождает потребность в обретении фундаментальных моральных ценностей. М. А. Можейко делает вывод о наличии двух взаимосвязанных тенденций в современной культуре: «С одной стороны, доминирование постметафизического мышления и вырастающая из него эпатажная мода на мораль всевозможности (вседозволенности) на сегодняшний день могут быть оценены как пройденный этап; с другой – возврат современного нравственного сознания к традиционной ригористической «этике кодекса» едва ли возможен. Иными словами, постнеклассической культурой, с одной стороны, разрушены условия функционированию традиционной этики и востребована этика нового типа – *этика творчества*, ориентированная на внутреннее самовыстраивание индивидом самого себя. С другой стороны, культурой постмодерна – посредством формирования постметафизического мышления – отрицается тот аксиологи-

ческий контекст, в котором только и может быть реализована подобная нравственная система – *этика ценностей как этика творчества*. [2, с. 314–315].

М. С. Каган, размышляя о динамике культуры, пришел к выводу, что в ходе ее развития она прошла два больших этапа, названные им теоцентристским и натуроцентристским. В современный период, по мнению ученого, вызревает новая мыслительная парадигма, отвечающая «устремлениям наступающего очередного *переходного периода* в истории мировой культуры – периода *становления культуры антропоцентристского типа*» [3, с. 391]. Во многом становлению нового типа культуры способствует переход от противоборства различных социокультурных сил к диалогу.

Как ни странно, в отношении нравственной культуры также можно говорить о необходимости ее «антропологизации», так как в традиционной морали и во многом в морали индустриального общества человек просто «выпадал» из целеполагающих оснований этих культур. В основу современного общества, если оно претендует на цивилизованность, должно быть положено признание безусловной ценности каждого человека, независимо от рода его социальных характеристик, как-то: места проживания, этнической или партийной принадлежности, вероисповедания и т. п.

Литература:

1. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
2. Лаптенюк А. С. Особенности нравственного воспитания учащихся в системе образования Республики Беларусь // Адукацыя і выхаванне. 2013. № 2. С. 3–8.
3. Можейко М. А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформации нравственного сознания в современной культуре // Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: философские аспекты осмысления / Под ред. М. А. Можейко. Мн.: Технопринт, 2005.